

рождение», ибо это движение в значительной мере еще носит религиозный характер, связанный с позднеготическим мистицизмом, с позднеготической эмоциональностью и экспрессивностью. «Оно еще не противостоит средневековью. Религиозное начало не оттесняется на второй план, как это было в западноевропейском Возрождении. Напротив, оно развивается в пределах религиозной мысли и религиозной культуры».¹⁸⁰

Эта связь идейного содержания восточнославянской агиографии с живописью предвозрождения направляет внимание к факту синхронизма литературных трудов Доментиана с возникновением нового стиля в сербской живописи XIII в., начиная с Милешева (вторая четверть XIII в.), и вообще во всем сербском искусстве. Здесь, по словам Н. Л. Окунева, в то время из романских, византийских и восточнохристианских элементов формируется свой оригинальный стиль, аналогии которому можно найти только в стиле итальянского искусства преджоттовского периода.¹⁸¹ Тогда, а не во второй половине XIV в., создается и новый литературный стиль на славянских Балканах. Этот стиль рождается в условиях общего духовного брожения в эпоху возрождения политической и культурной независимости южных славян после двухсотлетнего византийского ига, в естественной связи с рождением новых условий в общественной, экономической, политической и церковной жизни, формируется на базе восстановления православно-славянской письменности Кирилло-Мефодиевского, Преславско-Охридского и Киевского периодов, под сильным воздействием переводной византийской аскетической литературы и под рядом других влияний, которые ввела на Балканы международная политика Неманичей и Асеней.

Эти новые влияния принесли и новый дух, который в XII столетии пробуждался и на Западе, и на Востоке в условиях стихийных миграций эпохи крестовых походов, тот дух мистического индивидуализма, который с особой силой проявился в афонском исихазме. Житие Григория Синаита подчеркивает, что до этого подвижника никто на Афоне не был знаком с его методом «умного делания»; однако сам же св. Григорий говорит, что и до его прибытия святогорские монахи стояли на высоте практического осуществления аскетического идеала. Вся аскетическая и мистическая литература начиная от св. Василия Великого, Дионисия Ареопагита, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Илариона Великого, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, инока Филиппа, автора Диоптры и до Симеона Нового Богослова, которая как основу духовного самовоспитания выдвигает метод психологической интроспекции, из которой родилась и система Григория Синаита, была вполне знакома Афону до его появления на Горе, и только этим может быть объяснен успех его движения. Независимо от специфического аскетическо-экстатического метода св. Григория Синаита, явившегося поводом к Варлаамо-Паламитской борьбе, в обста-

¹⁸⁰ Там же, стр. 51. — Мне кажется, что предлагаемая Р. Пиккио характеристика общего культурного движения Восточной Европы XIV—XV вв. как «обновление славянского православия» вряд ли может быть признана более удачной, чем термин «предвозрождение» (см.: R. Picchio. Ricerche slavistiche, t. VI. Roma, 1958, стр. 103—119). С одной стороны, «обновление» предполагает предшествующий период «замирания», что вряд ли может быть применимо к православию предшествующей эпохи. С другой стороны, религиозная сторона движения при всем огромном значении данного вопроса для понимания культуры данной эпохи не обнимает проблемы в целом, в частности в ее отношении к проблеме западноевропейского Возрождения.

¹⁸¹ Н. Л. Окунев. 1) Милешево, памятник сербского искусства XIII в. — *Byzantinoslavica*, t. VII. Prague, 1937—1938, стр. 69; 2) Некоторые черты восточных влияний в средневековом искусстве южных славян. — Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925, стр. 229—251.